

УДК 94(47)

Н.М. КАРАМЗИН И НИЖНИЙ НОВГОРОД

© 2013 г.

А.А. Кузнецов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

nalbuz@mail.ru

Поступила в редакцию 15.12.2013

Анализируется роль и место Нижнего Новгорода в биографии историка Н.М. Карамзина.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, Нижний Новгород, историк.

В пору обретения локальных идентичностей в России деятели культуры, интеллигенция взыскующе вглядываются в страницы истории местной духовности. В великих политиках, писателях, композиторах, художниках и пр., посетивших тот или иной уголок страны, во всероссийских событиях и явлениях пытаются усмотреть «гениев места», освятивших своим визитом или присутствием будущее региона.

Нижегородская земля не является исключением... Памятник мирового значения – Лаврентьевская летопись – закончена в 1377 г. в Нижнем Новгороде. Ополчение Минина и Пожарского, внесшее существенный вклад в преодоление Смуты, формировалось в Нижнем Новгороде. Макарьевская ярмарка, ставшая в начале XIX в. Нижегородской, придала городу международный вес, блеск и значение. Ключевые фигуры церковного раскола – Аввакум и Никон (и не только они) – суть от нижегородского корня. И.П. Кулибин и Максим Горький – уроженцы Нижнего Новгорода. Вклад промышленности и сельского хозяйства Горьковской области в Победу Великой войны и в развитие советского автопрома не переоценить.

Это – своё, исконно нижегородское, но были люди, жизнь которых лишь временно связывалась с Нижним Новгором. Однако и эти эпизоды стали определяющими вехами в его истории. Основатель города – владимирский князь Георгий Всеволодович – остался в истории тем, что один из немногих русских князей вышел на смертный бой с монголами и пал, защищая Русскую землю. Его племянник – Александр Невский – последние дни своей жизни провел на Нижегородской земле. Сподвижник Сергия Радонежского и митрополита Алексия – архиепископ Дионисий – духовно окормлял нижегородцев в эпоху антиордынского подъема. Тогда же Феофан Грек расписывал нижегородские

храмы, которые погибли в огне пожаров. Иван Грозный несколько раз бывал в Нижнем Новгороде, ведя натиск на Казань и Астрахань. Пушкин остался в нижегородской истории «Болдинской осенью». Горький противопоставил самоуправству Бугрова «время Короленко», с которым связано и пребывание в граде на устье Оки Чехова и др.

Несомненно, украшением «аллеи славы» нижегородских гостей является Николай Михайлович Карамзин (1766–1826). Его нижегородская страница жизни таит еще много загадок для исследователей, как его биография в целом и его творчество. Николай Карамзин родился в Симбирской губернии. Воспитывался дома и в пансионе при Московском университете. Такое формирование типично для многих дворян того времени, но выйдет из них Карамзин только один. Тот самый Карамзин, который вступит в кружок масонов Новикова, увлечется их идеями, потом разочаруется в них и примет самостоятельное решение о разрыве с этим философско-прикладным, этическим и политическим течением.

В правильности своего решения он убедится во время путешествия за границу, начатого в 1789 г. Оно отразится в «Письмах русского путешественника». Исследователи долгое время будут видеть в них достоверное описание заграничного вояжа, пока не будет доказано, что в них автобиографическое начало сочеталось с литературным вымыслом [1, с. 531–540]. Он же послужил для того, чтобы выразить мысли, которые вызревали в голове будущего историка. Его идеология, сформировавшаяся в начале 1790-х гг., всегда смущала любителей простых философских классификаций и схем. В большинстве случаев в Карамзине видели просвещенного консерватора, но всё время обнаруживались его мысли, которые разрушали этот об-

раз. Известны строки, которые в 1818 г. Н.М. Карамзин писал другу юности И.И. Дмитрию: «По чувствам останусь республиканцем, и притом верным подданным Царя Русского».

В конце XVIII в. Николай Михайлович Карамзин решился на написание русской истории. Сделать шаг в этом направлении было нелегко: он признавался в 1800 г., что ему снился Нестор [2, с. 43]; в XVIII в. труд «История Российская» был создан В.Н. Татищевым, свой вариант описания прошлого России дал граф М.М. Щербатов, защищал прошлое отчизны от невежественных нападок иностранных публицистов от истории И.Н. Болтин. Эти титаны исторической мысли не могли не смущать Карамзина, дерзнувшего писать труд о прошлом России.

И все же он начал... Карамзин понимал, что труды предшественников были достойным увлеченных умов и мало воздействовали на общество, мало объясняли ему благодетельность государства. Государство стало для Карамзина организующим историю России каркасом. Поэтому-то его труд и будет назван «История государства Российского». Надо оговорить, что и государство, по мнению Карамзина, имело свои обязательства перед народом. Наиболее ярко это выразилось в том противоречии, что его многотомный труд посвящался Александру I: «Государю Императору Александру Павловичу Самодержцу Всея России...» [3, с. 11–12], а тот в 1811 г. болезненно отреагировал на идеи, высказанные историком в «Записке о древней и новой России» [4, с. 224–225]. Критика Н.М. Карамзиным Александра I через посредство опыта прошлого не устроила императора, а затем и его родственников на троне до 1917 г. До революционной ломки русское общество не получило полноценного доступа к этой «Записке». За советское время власти также не решались представить эту работу в полном виде. И лишь в 1988 г. она была опубликована без всяких оговорок.

Причиной этих и других парадоксов Карамзина было ощущение истории как живой плоти, которая все время будет разрушать прокрустово ложе умозрительных схем ученых. За ними, как представляется, угадываются контуры идеологем общественно-политической борьбы XIX–XX вв. [5, с. 128–133]: «...развитие русской общественной и исторической мысли 10–20-х гг. XIX в. шло не мимо «Истории» Карамзина, а через нее. Труд Карамзина стал тем «катализатором» общественно-исторической мысли России, который ускорил процесс размежевания сил, породил неизбежную реакцию в общественном сознании на содержащиеся в нем идеи» [6, с. 198]. Последняя фраза цитаты пока-

зательна – современниками и последующими поколениями оценивался не труд историка, а воззрения мыслителя. Между тем «История государства Российского» крайне интересна в качестве примера того, как реконструкция прошлого в результате источниковедческих штудий сокрушает внеисточниковое знание, навеянное контекстом социально-политических баталий. И в этом преодолении профессионализмом и культурой историка-специалиста уже сложившихся историософских клише заключался «подвиг честного человека»: «Он рассказывал со всею верностью историка, он везде ссылался на источники – чего же более было требовать от него? Повторяю, что «История государства Российского» есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека» [7, с. 239]. Например, К.Ф. Рылеев, казнённый по делу декабристов в 1826 г., восклицал по поводу выхода тома, посвященному XVI в.: «Ну, Грозный! Ну, Карамзин. Не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна или дарованию нашего Тацита». И то же выступление декабристов вызвало гнев уже маститого историка [2, с. 174, 197].

В основе успеха томов «Истории государства Российского», о котором много написано с обязательным цитированием А.С. Пушкина о «Колумбе древностей Российских», «подвиге честного человека», была обращенность этого текста к широкому читателю. Она была осознана «последним летописцем», который постигал ремесло историка через опыт Ливия, Тацита, Вольтера, Юма, Нестора... К историографическому опыту прибавилось живое слово Карамзина. К тому времени, когда он стал историком, за ним закрепилась слава стихотворца, издателя «Вестника Европы», автора «Бедной Лизы»... Не всегда вспоминают о том, что Карамзин одним из первых в России занимался переводом и пропагандой произведений Шекспира [4, с. 41]. Английский драматург один из первых почувствовал напряженный нерв истории в столкновении судеб, трагическом разрешении конфликтов. Как кажется, это влияние Шекспира на Карамзина-историка недостаточно еще раскрыто. Кстати, многие из удачных и потрясающих воображение страниц Карамзина его читатели сравнивали с шекспировскими текстами. А трагедию А.С. Пушкина «Борис Годунов» напрямую соотносят с шекспировскими драмами, а ведь вдохновение и сюжет он нашел в историческом труде Н.М. Карамзина.

«История государства Российского» актуальна и читаема до сих пор. Позволю не согласиться с коллегами, которые высказывают

мысль, что научного значения у труда Карамзина уже не осталось, что он превзойден: «... отдельным томом, напечатал примечания к «Истории государства Российского» Карамзин. Его громкая слава историографа была основана на тексте его «Истории». Эрудиция и критический аппарат, сосредоточенные в примечаниях, едва ли вообще привлекли внимание современников. Ирония заключается в том, что только примечания и сохранили свое значение, в то время как блестящий, но совершенно устаревший текст Карамзина сегодня едва ли кто-нибудь станет читать как из антикварного интереса» [8, с. 199]. Проверка разных версий отдельных событий истории Древней Руси, бытующих в современной историографии, показывает, что «последний летописец» оказался куда точнее некоторых современных исследователей [9, с. 51–52, 129–130, 184, 380–381]. Залогом этому стала кропотливая работа с историческими источниками, помещение «проблемных мест» в примечания. О последних надо сказать особо: культура их составления у Н.М. Карамзина такова, что его надо ставить в пример и сейчас по составлению справочного аппарата.

Можно и нужно еще долго говорить о достоинствах Карамзина, но вернемся к сюжету «Карамзин и Нижний Новгород». Здесь не рассматривается вопрос об опосредованной связи Н.М. Карамзина с нижегородским локусом через участие в литературном объединении «Арзамас». Вопрос об отражении Н.М. Карамзиным истории России в зеркале нижегородского прошлого еще только надо обозначить.

Несомненно, в своих поездках из Симбирска в Москву и обратно Н.М. Карамзин должен был оказываться в Нижнем Новгороде. В отклике на дополнительные статьи Устава Академии художеств, содержащие идею о прославлении «великих людей, заслуживших благодарность Отечества» [10, с. 238], Н.М. Карамзин, уже тогда в чине «придворного историографа» работавший над «Историей государства Российского», писал: «В Нижнем Новгороде глаза мои ищут статуи Минина, который, положив одну руку на сердце, указывает другою на Московскую дорогу. Мысль, что в русском отдаленном от столицы городе дети граждан будут собираться вокруг монумента славы, читать надписи и говорить о делах предков, радует мое сердце» [11, с. 113]. Справедливости ради надо отметить, что Московская дорога, о которой упомянул Н.М. Карамзин, не совпадала с маршрутом ополчения Минина и Пожарского. Оно шло из Нижнего Новгорода через Балахну вверх по Волге – к северу на Ярославль, откуда уже повернуло к югу на

Москву. А Московская дорога из Нижнего Новгорода до середины XIX в. шла по правому берегу Оки либо до Горбатова, где следовала переправа на Гороховец, либо до переправы у Муром; от этих городов надо было ехать на Владимир, далее – на Москву [12, с. 40–46]. Предполагалось, что публикация этой статьи способствовала началу работ Мартоса в 1803 г. над знаменитым памятником Минину и Пожарскому, который по первоначальному замыслу должен был быть установлен в Нижнем Новгороде [13, с. 286, прим. 2]. Реплика этого памятника, установленная в Нижнем Новгороде в 2005 г. на месте, которое художник К.Е. Маковский утвердил локусом призыва Минина, утверждена так, что последний «указывает другою» рукой на Балахну, т.е. на московский путь ополчения.

Надолго историк оказался в Нижнем Новгороде в «минуты роковые», когда Великая армия Наполеона заняла Москву. 1 сентября 1912 г. Н.М. Карамзин уезжал из первопрестольной, в которую с другой стороны уже вступал враг. Задержка была обусловлена болезнью историографа: «...у меня была лихорадка за лихорадкой... Я переехал в город, отправил жену и детей в Ярославль» (из письма И.И. Дмитриеву от 20 августа 1811 г.) [14, с. 179]. Она же помешала ему встать в ряды ополчения.

Постижение историко-культурного явления «Карамзин и Нижний Новгород в 1812 г.» осложнено тем, что до недавнего времени не было четкого представления об облике Нижнего Новгорода, о городской повседневности в «грозу двенадцатого года». Дефицит источников совсем недавно был частично преодолен публикацией путевых записок студента московского университета, шведа по языку и культуре, уроженца Финляндии – Эрстрёма [15]. Ему было суждено стать основателем финской русистики и славистики, чьи учебники по русскому языку переиздавались в Финляндии до конца XIX в. Как следует из его записок, Эрстрём внимательно вслушивался в разговорную речь нижегородцев, читал нижегородские летописи XVII в. и обильно цитировал вирши Н.М. Карамзина. В определенном смысле, в творчестве Карамзина Эрстрём обрёл один из образчиков русского языка, который постигал из общения с нижегородцами [16, с. 103–104]. И записки Эрстрёма, который не встретился с Карамзиным в маленьком Нижнем Новгороде 1812–1813 гг., позволяют увидеть этот город в лицах и обычаях, пересечениях бытовых реалий исконных нижегородцев и эвакуированных москвичей, почувствовать атмосферу, в которой оказался Н.М. Карамзин волею судьбы и Истории.

Н.М. Карамзин оказался в Нижнем Новгороде в числе литераторов, архивистов из Москвы. К сожалению, об их быте, общении почти ничего не известно. Некоторую информацию можно получить из карамзинских писем из Нижнего Новгорода. Еще 11 октября 1812 г. он писал другу И.И. Дмитриеву, что «граф П.А. Толстой предлагает мне идти с ним и здешним ополчением против французов». Это сообщение связано с мыслью о разграбленной врагом, превращенной в пепелище Москве, о погибшей библиотеке (радует лишь то, что «история цела») – всё это внушало надежду увидеть Москву [14, с. 180]. Поступить в нижегородское ополчение, созданное по образцу ополчения Минина и Пожарского, не получилось. Может быть, и хорошо. К началу октября известия об оставлении Москвы торопили с выходом ополчения, но чуть позже, после ухода Наполеона, подготовка ратников в Нижнем Новгороде приобрела более спокойный и размеренный характер. Ополчение из Нижнего Новгорода вышло 19 декабря и проследовало через Муром – Рязань – Орел – Глухов на территорию нынешней Украины, т.е. миновало Москву. Вероятно, эти обстоятельства сказались на отказе Н.М. Карамзина от ополченческого замысла.

Заполошенная обстановка в Нижнем Новгороде, куда были эвакуированы многие москвичи и московские учреждения, способствовала настроению растерянности и душевной опустошенности: «Живем день за днём, не зная, что будет с нами. Я... лишён способов заниматься, и едва ли когда-нибудь могу возвратиться к своим прежним, мирным упражнениям... На сей раз имею хороший домик: здешний помещик... Степан Алексеевич Львов, уступил мне свой» (письмо Н.М. Карамзина И.И. Дмитриеву от 28 октября 1812 г.) [14, с. 181].

Дом С.А. Львова находился на том месте, где потом был построен в 1916 г. Крестьянский поземельный банк (ныне в этом здании размещается Дом творчества юных им. В.П. Чкалова). До этого времени Карамзин жил в доме И.А. Аверкиева – не сохранился: на этом месте можно видеть здание на улице Пискунова, 2, построенное в 1890-е гг. [17]. Примечательно, что с учётом малоэтажности Нижнего Новгорода в 1812 г. взгляд Н.М. Карамзина из любого местожительства падал на кремль, построенный в начале XVI в.

К середине ноября 1812 г. настроение Н.М. Карамзина изменилось, что видно из письма П.А. Вяземскому от 14 ноября 1812 г.: «Думаю приняться за своё дело, раскладываю бумаги и книги, однако успех сомнителен: не имею и половины нужных материалов» [18, с.

54]. На душевную перемену повлияло, видимо, обустройство в доме Львова. Но все же семейные тяготы сказывались. В декабре Н.М. Карамзин писал: «Я был нездоров, и малютки наши тоже». Из четырёх детей Николая Михайловича, приехавших в Нижний, один остался там навсегда: «Мы погребли милого ангела, Андрюшу, более десяти недель страдав беспокойством и тоскою. Наша горесть велика. И мы жалки сами себе. Было у нас двое детей прекрасных, здоровых и милых: обоих схоронили» (из письма 20 мая 1813 г.) [18, с. 55]. Хотя еще в конце зимы 1813 г. все дети Н.М. Карамзина были живы: «Я муж и отец четырех детей» (из письма И.И. Дмитриеву от 17 февраля 1813 г.) [14, с. 183]. Смерть сына Андрея 13 мая 1813 г. окончательно связала в восприятии Н.М. Карамзина Нижний Новгород и несчастье: «Сердце наше тоскует о милом Андрюше... Видно, что мы созданы здесь не для счастья» (из письма от 28 мая 1813 г. В.М. Карамзину) [14, с. 232].

Отзывалось грустью в душе историка и то, что в Нижнем нельзя было вести полноценную работу из-за отсутствия книг, из-за убытков, нанесенных вторжением Наполеона: «Только в Петербурге могу продолжить работу. К этому прибавь утешение жить с тобой, и суди о моем нетерпении выехать из Нижнего. Но вот беда: крестьяне, изнуренные всякими налогами чрезвычайными, не дают оброка. Жена моя представила на службу 70 человек, которых вооружение и прочее стоило нам около 10000 рублей... Нижний кажется для нас ссылкой. Грущу и по своей библиотеке, которую я собирал четверть века. Утешаюсь только мыслью, что бог через нас истребляет всемирного злодея. Российская история может сделаться еще любопытнее...» (из письма к И.И. Дмитриеву от 18 декабря 1812 г.) [14, с. 182].

Нижегородская земля не стала для Н.М. Карамзина тем местом, каким она оказалась 20 лет спустя для А.С. Пушкина. Историк почти не продвинулся в своём труде: «Начало лета – последние годы Ивана III в VI томе Истории. 24 июня 1812 года Наполеон переходит Неман» [2, с. 97], а «21 июля 1813 года он все-таки пишет «Примечания к царствованию Ивана III», то есть доделывает VI том, достигает 1505 года» [2, с. 103]. Конечно, город «на устье Оки», где Н.М. Карамзин терял своих близких, переживал о судьбе России в тяжелое для нее время, сокрушался из-за гибели в огне рукописей книг, не располагал к тому, чтобы стать местом вдохновения. Возможно, поэтому мимо его внимания прошел *Нижегородский летописец* – памятник, который внимательно читался Эрстрёмом. Тем

не менее «нижегородские» утраты компенсировались необыкновенной исследовательской удачей, сравнимой с обретениями Н.М. Карамзиным и российским историческим знанием Ипатьевской летописи и Судебника 1550 г.

Затянувшееся из-за болезни детей пребывание в Нижнем Новгороде обернулось крупным научным открытием, масштабы которого в полной мере предстали перед историками двести лет спустя. В 2013 г. в Нижнем Новгороде вышли записки студента Московского университета Эрика Густава Эрстрёма о его пребывании в Нижнем Новгороде в 1812–1813 гг. В качестве приложения нижегородским архивистом Я.М. Хорошкиным было опубликовано письмо Н.М. Карамзина балахнинскому купцу Н.Я. Латухину от 14 января 1813 г. Приведем его в сокращении: «Хотя и не имею чести знать Вас лично, но уверен, что Вы для общей пользы исполните мою просьбу. Прилагаю письмо от Вашего батюшки, который обещал доставить находящийся у Вас Новгородский Летописец писанный отчасти на пергаменте и весьма для меня любопытный: ибо мне, как Вам может быть известно, Государь Император поручил сочинение Российской истории. Крайне меня обяжете, если на первой же почте отправите ко мне эту рукопись в Нижний Новгород, на мое имя, в дом Степана Алексеевича Львова, а я вручу здесь Вашему батюшке, чего будет стоить пересылка, навсегда останусь Вам благодарным и при всяком случае постараюсь извещать Вам мою искреннюю признательность» [19]. А уже 21 января 1813 г. Н.М. Карамзин писал А.И. Тургеневу: «Я и здесь нашел нечто любопытное: Степенную книгу с прибавлениями неизвестными касательно времен царя Ивана Васильевича» [14, с. 258].

Речь в письме шла о Латухинской степенной книге. Её Н.М. Карамзин получил в подарок от балахнинского купца Латухина. Она была создана в 1678 г. Тихоном Макарьевским (так церковный деятель подчеркивал свою связь с Макарьевским Желтоводским монастырем) [20, с. 10] и охватывала русскую историю от Рюрика до царя Федора Алексеевича. В дальнейшем Н.М. Карамзин использовал её в своём знаменитом труде «История государства Российского» [21, с. 316–317]. В наиболее полном виде Латухинская степенная книга дошла в Нижегородском списке, хранящемся ныне в Нижегородской Государственной областной универсальной библиотеке. Именно этот список лёг в основу научной публикации памятника, впервые осуществленной в 2012 г. [22]

В заключение надо подчеркнуть, что проблема нижегородского измерения биографии и

творчества Н.М. Карамзина находится только в самом начале своего пути и для разрешения требует привлечения новых источников.

Список литературы

1. Лотман Ю.М. (совместно с Б.А. Успенским). «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997. С. 484–564.
2. Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М: Вагриус, 2004. 256 с.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского в 12-ти томах. Т. I. М.: Наука, 1989. 640 с.
4. Осетров Е.И. Три жизни Карамзина. М.: Современник, 1985. 302 с.
5. Казаков Р.Б. Из истории источниковедения в России XIX в.: Н.М. Карамзин как историописатель // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2013. Вып. 44. С. 127–142.
6. Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. М.: Наука, 1989. 224 с.
7. Пушкин А.С. Карамзин // Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. VII. История Пугачева. Исторические статьи и материалы. Воспоминания и дневники. М.: Худож. лит., 1976. С. 238–240.
8. Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.: Новое литературное обозрение. Киев: Критика, 2005. 544 с.
9. Кузнецов А.А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII века. Преломление источников в историографии. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. 540 с.
10. Маршева И.С. Кузьма Минин в русском изобразительном искусстве // Мининские чтения: Труды международной научной конференции. Нижний Новгород, 2010. С. 232–250.
11. Карамзин Н.М. О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 105–113.
12. Кирьянов И.А. Сухопутные связи Нижнего Новгорода с Москвой (до 60-х гг. XIX в.) // Записки краеведов. Очерки. Статьи. Воспоминания. Документы. Хроника. Горький, 1983. С. 37–46.
13. Смирнов А.Ф. Комментарии // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 5–27.
14. Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. 351 с.
15. Эрстрём Э.Г. Для меня и моих друзей // Эрстрём Э.Г. 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород. Нижний Новгород, 2013. С. 28–228.
16. Коваленко Г.М., Кузнецов А.А. Нижний Новгород в 1812 году глазами финляндского студента // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6. Ч. 3. С. 100–105.
17. Давыдов А.И. О карамзинских местах Нижнего Новгорода // Россия и Нижегородский край: актуальные проблемы истории. Нижний Новгород, 1998. С. 200–201.

18. Белкин Д.И. Нижегородские письма Н.М. Карамзина // Город славы и верности России. Нижний Новгород, 1996. С. 52–55.

19. Письмо Н.М. Карамзина балахнинскому купцу Н.Я. Латухину // Эрстрём Э.Г. 1812 г. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород. Нижний Новгород, 2013. С. 232.

20. Покровский Н.Н. Предисловие // Латухинская степенная книга. 1676 год. М., 2012. С. 10–36.

21. Сиренов А.В. Степенная книга: история текста. М.: Языки славянских культур, 2007. 544 с.

22. Латухинская степенная книга. 1676 год. М.: Языки славянской культуры, 2012. 880 с.

NIKOLAI KARAMZIN AND NIZHNI NOVGOROD

A.A. Kuznetsov

The article analyzes the role of Nizhni Novgorod in the biography of Nikolai Karamzin (1766–1826), a prominent Russian historian.

Keywords: Nikolai Karamzin, Nizhni Novgorod, historian.